

КАНТ И СОЛОВЬЕВ:
КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИОбзор международной конференции
(Калининград, 15–16 ноября 2018 г.)С. В. Луговой¹

В обзоре представлены основные идеи, прозвучавшие на международной научной конференции «Кант и Соловьев: конвергенции и дивергенции». Конференция прошла 15 и 16 ноября 2018 г. в Калининграде. Ее организатором выступила Академия Кантиана, научно-исследовательское подразделение Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, совместно с кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Выступления были разделены на два тематических блока. Первый был посвящен рецепции идей Канта и Соловьева в русской философской традиции, второй – рецепции и критике практической философии Канта Соловьевым. Докладчики уделили внимание историко-философской проблематике, а также различным аспектам кантовской и соловьевской трактовки этики, эстетики, политики, права, религии и культуры в целом. Приведено краткое содержание прозвучавших докладов и выступлений в дискуссиях.

Ключевые слова: И. Кант, В. С. Соловьев, философская рецепция, история философии, теоретическая философия, этика, философия политики, эстетика.

15 и 16 ноября 2018 г. в Калининграде прошла международная научная конференция «Кант и Соловьев: конвергенции и дивергенции», организованная Академией Кантианой, научно-исследовательским подразделением Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, совместно с кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова². Концепция конферен-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14. Поступила в редакцию 23.11.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-4-4

© Луговой С. В., 2018.

² Видеоматериалы конференции см. на канале Академии Кантианы в YouTube: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLd0R4QMdRX5017mUJm1idxDZEWUoUEEJM>, программу конференции на официальном сайте Академии Кантианы: http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2019/01/Kant-and-Solovyov_Programme-and-Abstracts.pdf

KANT AND SOLOVYOV:
CONVERGENCES AND DIVERGENCESReport of the International Conference
(Kaliningrad, 15-16 November 2018)S. V. Lugovoy¹

This review sums up the main ideas presented at the international conference “Kant and Solovyov: Convergences and Divergences” held in Kaliningrad, Russia on 15-16 November 2018. The Conference was organised by the Academia Kantiana, a research unit of the Humanities Institute, Immanuel Kant Baltic University, in conjunction with the Department of the History of Russian Philosophy at the Philosophical Faculty of Lomonosov Moscow State University. The presentations were divided into two thematic blocks. The first was devoted to the perception of the ideas of Kant and Solovyov in the Russian philosophical tradition and the second to the perception and critique of Kant’s practical philosophy by Solovyov. The speakers also paid attention to historical-philosophical problems as well as to various aspects of Kant and Solovyov’s treatment of ethics, aesthetics, politics, law, religion and culture in general. The review sums up the presentations and discussions.

Keywords: Immanuel Kant, Vladimir Solovyov, philosophical perception, history of philosophy, theoretical philosophy, ethics, political philosophy, aesthetics.

An international scientific conference “Kant and Solovyov: Convergences and Divergences” held in Kaliningrad on 15-16 November 2018. The conference was organised by the *Academia Kantiana*, a research unit of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), in conjunction with the Department of the History of Russian Philosophy at the Philosophical Faculty of Lomonosov Moscow State University.² The conference concept was developed by *Dr Boris*

¹ Immanuel Kant, Baltic University, 14 Aleksandra Nevskogo St., 236016 Kaliningrad, Russia.
Received: 23 November 2018.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-4-4

© Lugovoy S.V., 2018.

² The video materials of the conference are available on *Academia Kantiana* channel on YouTube: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLd0R4QMdRX5017mUJm1idxDZEWUoUEEJM>, the conference programme is on the official site of *Academia Kantiana*: http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2019/01/Kant-and-Solovyov_Programme-and-Abstracts.pdf

ции была разработана кандидатом философских наук, доцентом МГУ и м. М. В. Ломоносова *Борисом Вадимовичем Межуевым* при участии доктора философских наук, научного директора Академии Кантианы *Нины Анатольевны Дмитриевой*, которые возглавили программный и организационный комитеты. Этим мероприятием Академия Кантиана БФУ им. И. Канта открыла цикл конференций «Иммануил Кант и русские философы: конвергенции и дивергенции»³. Цикл рассматривается организаторами как один из научно-тематических блоков в программе подготовки к 300-летию юбилею И. Канта, который будет отмечаться в 2024 г.

В первой конференции цикла, посвященной вопросам рецепции и критики философии Иммануила Канта русским философом Владимиром Соловьевым, приняли участие философы из России, Нидерландов, США, Финляндии, Франции и Швейцарии, причем не только маститые специалисты, но и молодые исследователи. На конференции действовали две секции, в ходе работы которых было представлено четырнадцать докладов.

На открытии, помимо непосредственных организаторов, выступила директор Института гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент *Татьяна Валентиновна Цвигун*, которая подчеркнула важность проводимой конференции, встраивающейся в длинный сценарий университетских мероприятий, связанных с именем Канта, и отметила, что таким путем во времени и пространстве выстраивается диалог между Соловьевым и Кантом.

Первый тематический блок конференции был посвящен обсуждению культурно-исторических и теоретических аспектов рецепции Канта и Соловьева в русской философской традиции. Его открыл доклад *Анатолия Владимировича Черняева* (Институт философии РАН, Россия) «К вопросу о современной рецепции философского наследия Канта и Соловьева в России (опыт реализации продолжающихся проектов многотомных изданий их трудов)». По мнению докладчика, основная научная и духовно-культурная миссия издания сочинений Канта, Соловьева и других мыслителей — восстановление связи времен. *А. В. Черняев* сообщил, что 6 ноября 2018 г. в Москве прошла презентация издания второго полутома пятого тома собрания

³ Конференция, в некоторой степени предварившая этот проект, прошла в БФУ им. И. Канта в ноябре 2017 г. и была посвящена проблеме революции у Канта и в политической философии XVIII–XXI вв. См. подробнее: (Корнилаев, 2018).

V. Mezhev, Associate Professor at Lomonosov Moscow State University in collaboration with *Prof. Dr Nina A. Dmitrieva*, Scientific Director of the *Academia Kantiana*, who led the programme and organisation committees. The event sponsored by the Immanuel Kant Baltic Federal University's *Academia Kantiana* opens the cycle of conferences “Immanuel Kant and Russian Philosophers: Convergences and Divergences”.³ The organisers see the cycle as a research-thematic block in the programme of preparations for the three-hundredth anniversary of Immanuel Kant which will be marked in 2024.

Taking part in the first conference of the series devoted to the perception and critique of Immanuel Kant's philosophy by the Russian philosopher Vladimir Solovyov were philosophers from Russia, the Netherlands, the USA, Finland, France and Switzerland, including both established scholars and young researchers. The conference comprised two sections where fourteen presentations were submitted.

The opening of the conference was addressed by the two organisers and by the Director of the Institute for the Humanities, *Dr Tatyana V. Tsvigun*. She stressed the importance of the conference as part of a long series of university events associated with the name of Kant which between them signified a dialogue between Solovyov and Kant across time and space.

The first thematic block of the conference was devoted to cultural-historical and theoretical aspects of the perception of Kant and Solovyov in the Russian philosophical tradition. It was opened by the presentation by *Anatoly V. Chernyayev* (RAS Institute of Philosophy, Russia) “On Modern Perception of the Philosophical Legacy of Kant and Solovyov in Russia (Experience of the Implementation of Ongoing Projects of Multivolume Editions of their Works)”. The speaker believed that the main scholarly and spiritual-cultural mission of the publication of the works of Kant, Solovyov and other thinkers was to restore continuity in time. *Anatoly Chernyayev* said that a presentation of the

³ The conference that to some extent anticipated this project was held at the Immanuel Kant Baltic Federal University in November 2017 and was devoted to the problem of revolution in Kant and political philosophy from the eighteenth to the twenty-first century. For more detail see: Kornilaev, 2018.

сочинений Канта, завершившего инициированный Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлингом двузычный русско-немецкий издательский проект, продолжавшийся почти четверть века. Над Полным собранием сочинений и писем Соловьева работа, начатая в конце 1990-х гг., продолжается — из планируемых двадцати томов пока вышло только четыре. Докладчик отметил, что в XXI в. все еще неясно, какое место занимает Соловьев в русском философском наследии, и в этом смысле о Канте писать проще, так как историческая дистанция между ним и нами намного длиннее. В ходе дискуссии Б.В. Межуев подчеркнул, что вопрос об актуальности идей Соловьева возникал всегда, но вместе с тем все крупные отечественные философские проекты связаны с этими идеями, даже в тех случаях, когда они полемизировали с соловьевским учением, отталкивались от него или пытались его преодолеть. *Эдвард Свидерски* задался вопросом о возможности определить уникальную специфику философии Соловьева, позиционировавшего себя как универсального человека. С точки зрения Б.В. Межуева, уникальным у Соловьева является имперское мироощущение, его всемирная отзывчивость.

Алексей Павлович Козырев (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия) своим докладом «Соловьевский взгляд на русское просвещение в лекциях “О ходе русского просвещения” 1881 года» как бы продолжил начатую Э. Свидерски дискуссию, показав, что уникальность Соловьева заключается еще и в том, что благодаря ему русская философия впервые вышла в публичное пространство. В своей первой лекции о Просвещении, которая до сих пор не опубликована и должна выйти в 5-м томе Полного собрания сочинений, Соловьев дал свое определение Просвещения, выделил три этапа его развития в России, подчеркнул параллелизм путей европейского и русского Просвещения и поставил в его центр идею ценности человеческой личности, получившую детальное обоснование в философии Канта. Программу второй лекции Соловьев сжал — возможно, из опасения, что продолжения лекций не последует, — сбился на рассказ о народной вере, а в финале призвал отменить смертный приговор первоапрельцам — убийцам императора Александра II, что повлекло запрет последующих лекций цикла. *Эверт ван дер Звейрде* задал вопрос о численности и специфике аудитории, которая присутствовала на второй лекции Соловьева. Докладчик ответил, что известно о присутствии на лекции весьма разнородной

publication of the second half of Volume 5 of the collection of Kant's works had taken place in Moscow on 6 November 2018. It completes the bilateral Russian-German publication project initiated by Nelly V. Motroshilova and Burkhard Tuschling which lasted nearly a quarter of a century. Work on the Complete Collection of the Works and Letters of Solovyov, begun in the late 1990s, is still in progress: so far only four volumes have been published out of the planned twenty volumes. This speaker noted that in the XXI century it is still unclear what place Solovyov occupies in the Russian philosophical heritage, and that in this sense it is easier to write about Kant because the historical distance between him and ourselves is much greater. In the course of the discussion B. Mezhuiev stressed that the question of the relevance of Solovyov's ideas has always cropped up, but at the same time all the major Russian philosophical projects are linked with these ideas, even in those cases where they polemicalised against Solovyov's doctrine, departed from it, or tried to overcome it. Edward Swiderski asked whether it was at all possible to define the uniqueness of Solovyov's philosophy, seeing that Solovyov positioned himself as a universal man. From Mezhuiev's point of view, what makes Solovyov unique is his imperial perception of the world, his "universal responsiveness".

Alexei P. Kozyrev (Lomonosov Moscow State University, Russia), who presented a paper entitled "Solovyov's View of Russian Enlightenment in his 1881 Lectures 'On the Course of Russian Enlightenment'", continued, as it were, a discussion started by Edward Swiderski, showing that Solovyov is also unique in that he for the first time brought Russian philosophy into the public domain. In his first lecture on enlightenment, still unpublished and due to be included in Volume 5 of the Complete Works, Solovyov gave his definition of enlightenment and identified three stages of its development in Russia, stressing the parallel pathways of European and Russian enlightenment, putting at its centre the idea of the value of the human individual which has been thoroughly elaborated in Kant's philosophy. Solovyov had restricted the programme of his second lecture — probably because he feared that there would be no follow-up to his lectures — sidetracking into the story of people's

публики — от великих князей до курсисток и студентов, о количестве же присутствующих точных сведений пока нет — предположительно, на лекции было 300—400 человек.

Александра Юрьевна Бердникова (Институт философии РАН, Россия) посвятила выступление кантианскому аспекту этического идеала в концепции «свободной теократии» Соловьева. С точки зрения докладчика, «теократический» период творчества Соловьева, который венчает незавершенный труд «История и будущность теократии» (1887), был только на первый взгляд свободен от кантианской рефлексии. Но это впечатление должно быть откорректировано: кантианские мотивы проявляются здесь и в том, как Соловьев понимает свободу в теократическом обществе, и в его рассуждениях о государственном устройстве, праве, справедливости и принципах христианской политики, о месте и роли личности в истории, о цели истории, идеале Богочеловечества, а также в идее исторического и общественного прогресса. В ходе дискуссии *Б.В. Межуев* предположил, что в русской религиозной философии окончательный переход от нейтрального восприятия Канта к враждебному произошел лишь после статьи *А.И. Введенского* о мистицизме и критицизме Соловьева (см.: *Введенский*, 1901). *А.В. Черняев* отметил, что в православных духовных академиях к Канту относились как к почтенной фигуре. *Б.В. Межуев* в качестве контрпримера привел позицию *П.Д. Юркевича*, утверждавшего, как свидетельствовал Соловьев, что философия начиная с Канта сошла с ума. *А.П. Козырев* констатировал, что в духовных академиях в Советском Союзе защищались диссертации о Канте даже в 1970-е гг.

Эдуард Жирар (Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна, Франция) в своем докладе рассмотрел соловьевское понятие экуменизма, которое у Соловьева в отличие от традиционного понимания не просто относится к совокупности различных христианских литургий в рамках одной концепции, не затрагивая смысла или специфики каждой литургии в отдельности, но подразумевает всеохватность и желание изменить мир, объединив его через христианство. Такое понимание экуменизма кажется похожим на гегелевское понимание религии, согласно которому религия — не формальное понятие, а диалектический, самодостаточный процесс. Однако гегелевский подход к определению религии представляется противоречащим антропологическому обоснованию своего учения

faith and ending with a call to rescind the death sentence on the “First of Marchers”, the assassins of Emperor Alexander. This led to the remaining lectures of the cycle being banned. E. van der Zweerde asked a question about the size and composition of the audience that attended Solovyov’s second lecture. The speaker replied that from available information the audience was a motley assemblage ranging from Grand Princes to students. The exact number of attendees is still unknown but was probably around 300-400.

Alexandra Yu. Berdnikova (RAS Institute of Philosophy, Russia) devoted her speech to the Kantian aspect of Solovyov’s ethical ideal of the concept of “free theocracy.” She believes that the “theocratic” period in Solovyov’s work, crowned by the unfinished book *The History and Future of Theocracy* (1887), was free of Kantian reflection only at the first glance. That first impression needs to be corrected: Kantian motives are manifested here, among other things, in the way Solovyov interprets freedom in a theocratic society and in his reflections on state structure, law, justice and the principles of Christian politics, the place and role of the individual in history, the goal of history, the ideal of God-manhood, as well as the idea of historical and social progress. During the course of the discussion B. Mezhuev suggested that in Russian religious philosophy the final transition from neutral to hostile perception of Kant did not occur until Vvedensky’s article on mysticism and Solovyov’s critique (see Vvedensky, 1901). A. Chernyaev noted that in Orthodox religious academies Kant was treated with reverence. B. Mezhuev cited as an opposite example the position of P. Yurkevich who claimed, according to Solovyov, that philosophy had gone mad beginning with Kant. A. Kozyrev stated that dissertations on Kant were still being defended at religious academies in the Soviet Union even as late as the 1970s.

Édouard Girard (L’Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, France) in his presentation looked at Solovyov’s concept of ecumenism which in Solovyov, unlike the traditional concept, refers not only to the body of different Christian liturgies within a single concept without touching upon the meaning or specifics of each liturgy separately, but also implies an all-embracing attitude and the wish to change the world by uniting it through Chris-

Соловьевым. Поэтому Э. Жирар обращается к кантовской философии как более продуктивной для описания того, что Соловьев понимает под экуменизмом, поскольку Кант предполагает изначальное отношение человека к Богу и основывает концепцию чистого разума на человеческой способности понимания. Вместе с тем Соловьева не устраивает кантовская трактовка Бога как вещи самой по себе, и он пытается ее видоизменить, используя гегелевское учение о религии. Согласно Соловьеву, необходим свободный, реальный и всеохватывающий союз между Богом и человеком. В основании соловьевского экуменизма, полагает докладчик, — феноменологически непознаваемое единство сознания: человек постигает единство Церкви, подразумевая встречу Сущности с самим собой.

Фредерик Трэмблей (БФУ им. И. Канта, Россия / Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария) в своем выступлении защищал тезис о преодолении Канта Соловьевым в вопросе о существовании и познаваемости внешнего мира. Он указал, что отнесение Соловьева к идеалистам было намеренной или ненамеренной ошибкой марксистских историков философии, так как для русского мыслителя внешний мир существует и является реальностью сам по себе, а люди знают о существовании других людей по аналогии. Соловьев, согласно Ф. Трэмблею, — онтологический и эпистемологический реалист. В ходе дискуссии В.В. Сидорин указал, что аналогия — это не единственный механизм познания реальности, а Э. ван дер Звейрде напомнил, что в своих письмах Соловьев сообщает, что вещи кажутся ему нереальными, и предположил, что реальность для русского философа — диалектическое явление. В.А. Чалый отметил, что смысловое наполнение термина «реальность» менялось во времени, а Соловьев склоняется к платоновской его трактовке, поэтому, на его взгляд, неосторожно называть Соловьева неидеалистом только потому, что он признает существование мира внешних вещей.

Вячеслав Игоревич Савинцев (БФУ им. И. Канта, Россия) в своем докладе сравнил рецепции кантовской темпоральной концепции в творчестве В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого и Н.Я. Грота. По его мнению, ближе всего к кантовскому пониманию времени был Соловьев. Трубецкой считал, что Кант рассуждал о времени как об интеллектуальной модели, тогда как в реальности имеются уникальные конкретные личности и духовные связи между ними, что описывается понятием «со-

тианити. This perception of ecumenism appears to be similar to Hegel's understanding of religion, whereby religion is not a formal concept but a dialectical self-sufficient process. However, Hegel's approach to defining religion appears to contradict Solovyov's anthropological grounding of his teaching. Therefore É. Girard proposes to invoke Kantian philosophy as being more productive in describing what Solovyov means by ecumenism because Kant assumes an initial relationship of man with God and bases his concept of pure reason on human capacity for understanding. At the same time Solovyov is not satisfied with the Kantian treatment of God as a thing in itself and tries to modify it using Hegel's teaching on religion. According to Solovyov, there is a need for a real and all-embracing union between God and man. The speaker believes that Solovyov's ecumenism is based on the phenomenologically unknowable unity of consciousness: man understands the unity of the Church, meaning an encounter of the Entity with itself.

Frederic Tremblay (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia / Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria) in his speech defended the thesis that Solovyov sublated Kant on the issue of the existence and cognisability of the external world. He noted that referring Solovyov to idealists was a witting or unwitting error of the Marxist historians of philosophy because, for the Russian thinker, the external world exists and is a reality in itself and people know about the existence of other people by analogy. Solovyov, according to Frederic Tremblay, is an ontological and epistemological realist. During the course of the discussion V. Sidorin pointed out that analogy is not the only mechanism of cognising reality, while E. van der Zweerde recalled that in his letters Solovyov writes that things appear to him to be unreal and suggested that reality was a dialectical phenomenon for the Russian philosopher. V. Chaly said that the semantics of the term "reality" was changing over time and Solovyov was inclining towards its Platonic interpretation; therefore in his opinion it would be risky to describe Solovyov as a non-idealist only because he recognises the existence of the world of external things.

Vyacheslav I. Savintsev (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia) compared the perceptions of the Kantian temporal concept in V. Solovyov, S. Trubetsky and N. Grot. In his opinion, Solovyov's understanding of time was the clos-

борность сознания». Грот, провозгласивший время духовным инструментом, упорядочивающим явления сознания, видел у Канта две ошибки: кёнигсбергский философ рассуждал о времени как о понятии и признавал время только внутренней формой опыта. В дискуссии выступил Б.В. Межуев, предположивший, что Соловьев увидел у Грота собственные мысли о времени, которые не сумел по тем или иным причинам высказать сам (например, открытие психологической вечности), поэтому расхождений между ними быть не может. В дополнение к размышлениям докладчика о понимании времени Трубецким А.П. Козырев указал, что Трубецкой искал в чувственности априорные категориальные формы, поэтому у него была интенция на преодоление Канта.

Предположения, объясняющие загадочное приближение соловьевской мысли к кантовской в поздней неоконченной работе «Теоретическая философия», где Соловьев критикует Декарта почти так же, как Кант, выдвинул в своем докладе Веса Ойттинен (Хельсинкский университет, Финляндия). Но, несмотря на все сходства кантовской критики с соловьевской, докладчик выявляет и существенные отличия: чистый субъект у Соловьева оказывается феноменологическим фактом, «Я» не определяется им как трансцендентальная апперцепция. Функции, которые у Канта были свойственны трансцендентальному единству апперцепции, Соловьев придает слову. Человеческое мышление у Соловьева не есть нечто самосозидающее, оно лишь реакция на память и слово. Субъект лишается у Соловьева автономии и подводится к надперсональному Слову. Поэтому коперниканский переворот, осуществленный Кантом в философии, нужно, согласно Соловьеву, преодолеть: истинная философия начинается тогда, когда субъект поднимается к свету Истины.

Владимир Николаевич Белов (РУДН, Россия) в докладе «Вл. Соловьев и русское неокантианство: историческая судьба учения Платона» показал, что Соловьев и русская религиозная философия пытались христианизировать учение Платона и неоплатоников. Неокантианцы Коген и Наторп, наоборот, «кантонизировали» своего Платона. В.Э. Сеземан создал целостную интерпретацию платонизма, не разрывая онтологические и гносеологические моменты. Философия, согласно Сеземану, — опытная наука, но этот опыт доступен человеку только в редкие моменты полной концентрации. На вопрос Э. ван дер Звейрде, ссылается

est to that of Kant. Trubetskoy believed that Kant thought of time as an intellectual model whereas in reality there are unique concrete individuals and spiritual links between them, described by the concept of *sobornost soznaniya* (roughly, “catholicity of consciousness”). Grot, who proclaimed time to be a spiritual instrument that orders the phenomena of consciousness, identified two mistakes in Kant: the Königsberg philosopher spoke about time as a concept and recognised time only as an inner form of experience. The discussion was joined by B. Mezhuiev who suggested that Solovyov saw in Grot some of his own thoughts about time which for various reasons he failed to formulate himself (for example, the discovery of psychological eternity). For this reason there can be no divergences between them. A. Kozyrev made an addition to the speaker’s reflections on Trubetskoy’s concept of time by pointing out that Trubetskoy sought in sensuality *a priori* categorical forms, so he had the intention to overcome Kant.

Vesa Oittinen (Helsinki University, Finland) in his presentation suggested explanations of the enigmatic rapprochement of Solovyov’s thought to Kantian thought in the later unfinished work *Theoretical Philosophy* in which Solovyov criticises Descartes almost in the same way as Kant. However, in spite of all the similarities between Kantian and Solovyovian critique, the speaker found substantial differences: the pure subject in Solovyov is a phenomenological fact. The self is not determined as transcendental apperception. Solovyov attributes to the word the functions which Kant attributed to the transcendental unity of apperception. Human thought, according to Solovyov, is not something that creates itself, it is merely a reaction to memory and word. Solovyov strips the subject of autonomy and brings it to the suprapersonal Word. Therefore the Copernican revolution accomplished by Kant in philosophy has to be overcome, according to Solovyov: true philosophy begins when the subject ascends to the light of the Truth.

Vladimir N. Belov (RUDN University, Russia) in his presentation “Vladimir Solovyov and Russian Neo-Kantianism: the Historical Destiny of Plato’s Teaching” demonstrated that Solovyov and Russian religious philosophy tried to Christianise the teaching of Plato and the neo-Platonists. Neo-Kantians Hermann Cohen and Paul Natorp, on the contrary, “Kantonised” their Plato. Vasiliy Seseman

ли Сеземан на Соловьева, *В.Н. Белов* ответил, что Сеземан воспринимал свою работу в контексте интернациональной традиции и не делал специального акцента на отечественной философии и на учениях ее представителей, хотя их влияние прослеживается в его работах.

Второй блок докладов, посвященный практической философии Канта и Соловьева в контексте русской и западной философской традиции, открыло выступление *Бориса Вадимовича Межуева* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия) «Этика стыда вместо этики долга: опыт преодоления кантианства». Он подчеркнул, что главное отличие этики Соловьева от кантовской — рассмотрение не только отношений между разумными существами, но и отношений человека к животным и Богу. Если Кант выразил идею добра в максимальной чистоте, то Соловьев пытается это сделать в максимальной полноте. Распространяя добро на все сферы человеческой жизни, Соловьев постепенно переходит от чисто философской этики к прикладной, рассматривая социальные и правовые аспекты нравственности. *Б.В. Межуев* попытался выявить причины, побудившие Соловьева использовать достаточно специфичную терминологию в «Оправдании Добра», и акцентировал внимание на том, что в отличие от представителей немецкой классической философии — прежде всего Канта и особенно Фихте — Соловьев не считает свободу высшей ценностью, у него абсолютная свобода возможна только для абсолютного зла. *А.П. Козырев* заметил, что у позднего Соловьева человек смеющийся превращается в человека стыдящегося, и спросил, обусловлена ли эта трансформация влиянием Канта. По мнению *Б.В. Межуева*, здесь Соловьев сознательно отошел от Канта, который сузил этику, сведя ее к долгу.

Алексей Николаевич Круглов (РГГУ, Россия) в своем рассмотрении соловьевской критики в адрес кантовской практической философии сконцентрировался на пьесе «Альсим», диссертации «Критика отвлеченных начал», рассказе «На заре туманной юности...», словарной статье «Кант» и главном этическом труде русского философа «Оправдания Добра». По мнению докладчика, соловьевский перевод «Пролегоменов...» свидетельствует, что русский философ был беспрецедентным знатоком кантовских текстов, однако в «Оправдания Добра» вторую формулировку категорического императива Канта он приводит с небольшим сокращением

created a coherent interpretation of Platonism without severing ontological and epistemological aspects. Philosophy, according to Seseman, is an experiential science, but this experience is available to man only at rare moments of complete concentration. Asked by E. van der Zweerde whether Seseman was referring to Solovyov, Vladimir Belov replied that Seseman saw his work in the context of international tradition and did not specifically focus on Russian philosophy and the teachings of its representatives, although their influence can be traced in his works.

The second block of reports, devoted to the practical philosophy of Kant and Solovyov in the context of Russian and Western philosophical tradition, opened with the presentation by *Boris V. Mezhuiev* (Lomonosov Moscow State University, Russia). “The Ethics of Shame in Place of the Ethics of Duty: an Experiment in Sublating Kantianism”. He stressed that the main difference of Solovyov’s ethics from that of Kant was that he considered not only the relations between reasonable creatures but also the relations of man to animals and to God. Whereas Kant expressed the idea of good in its purest form, Solovyov tries to make it as full as possible. By spreading good to all the spheres of human life Solovyov gradually moves from purely philosophical to applied ethics, considering social and legal aspects of morality. Boris Mezhuiev tried to identify the reasons that prompted Solovyov to use somewhat unusual terminology in *The Justification of the Good* and drew attention to the fact that unlike the representatives of German classical philosophy — notably Kant and especially Fichte — Solovyov does not consider freedom to be the highest value; for him absolute freedom is possible only for absolute evil. A. Kozyrev noted that in later Solovyov the laughing man turns into a shame-ridden man and asked whether this transformation was due to Kant’s influence. In Boris Mezhuiev’s opinion, Solovyov deliberately departed from Kant who had narrowed ethics by reducing it to duty.

Alexei N. Krouglov (Russian State University for the Humanities, Russia) examining Solovyov’s critique of Kant’s practical philosophy, concentrated on the play “Alsım”, the dissertation *Critique of Abstract Principles*, the story “At the Dawn of Misty Youth”, the dictionary entry “Kant” and the Russian philosopher’s main ethical work *The Justifica-*

ем. Возможно, Соловьеву было важно подчеркнуть, что классы и государство покушаются на человека, превращая его в голое средство. Но такое толкование, полагает А.Н. Круглов, вероятно, способствовало извращенным истолкованиям категорического императива в России, в соответствии с которыми человек якобы никогда не должен быть средством, а всегда целью. Сам Соловьев неизменно восхищался категорическим императивом, но от остальных положений кантовской этики он постепенно отказался. После доклада состоялась дискуссия относительно автономии и гетерономии воли в этике Соловьева. Б.В. Межуев подчеркнул, что в попытке Соловьева совместить категорический императив с высшим благом — весь смысл позднего периода его творчества, и в этом стремлении можно увидеть развитие кантовских идей. По мнению А.Н. Круглова, вряд ли возможно согласовать такое развитие с кантовским учением, поскольку в «Основоположениях метафизики нравов», ключевом тексте для своей этики, Кант объясняет, что гетерономия воли есть принцип всех неподлинных этических систем. Совершенно невозможно совместить категорический императив с отрицанием автономии воли — а именно это Соловьев пытается сделать в «Оправдании Добра», вводя в этику высшее благо, или Бога.

Доклад Владимира Витальевича Сидорина (Институт философии РАН, Россия) был посвящен значению идей Канта для нравственной философии Соловьева и Н.И. Кареева. Докладчик показал, что оба русских мыслителя уважительно относились к философии Канта, пытались преодолеть утилитаристские тенденции в этике, но они по-разному формулировали и разрешали этические проблемы в рамках своих учений, имели разные читательские аудитории. Для Кареева нравственность существует только в сознании человека. Здесь он ссылается на идеи Ф. Brentano о происхождении нравственного сознания, смягчая антикантианский пафос последнего. Психологические развитие субъекта, лежащее в основе его нравственного совершенствования, видится Карееву условием всеобщего счастья. Соловьев в отличие от Кареева субъектом нравственного развития провозглашал не только личность, но и общество в целом. Некоторые главы «Оправдания Добра» содержат критику субъективно-социологического подхода в этике, одним из представителей которого был Кареев, и потому их можно рассматривать как критические и в адрес

tion of the Good. In his opinion, Solovyov's translation of the *Prolegomena* attests that the Russian philosopher was a peerless connoisseur of Kantian texts, but he cites the second definition of Kant's categorical imperative in a slightly abridged version in *The Justification of the Good*. Perhaps it was important for Solovyov to stress that social classes and the state infringe upon man by turning him into a bare means. But such an interpretation, according to A. Krouglov, probably prompted distorted interpretations of the categorical imperative in Russia, whereby man should never be a means but always an end. Solovyov himself invariably admired the categorical imperative, but gradually renounced all the other provisions of Kantian ethics. The presentation was followed by a discussion between A. Krouglov and B. Mezhuiev on autonomy and heteronomy of the will in Solovyov's ethics. B. Mezhuiev stressed that Solovyov's attempt to combine the categorical imperative with the supreme value forms the gist of the later period of his work, an impulse in which one can discern a development of Kantian ideas. In the opinion of A. Krouglov it is hardly possible to match such a development with the Kantian teaching because in the *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, the key text for his ethics, Kant explains that the heteronomy of the will is the principle of all non-genuine ethical systems. It is totally impossible to combine the categorical imperative with negations of the autonomy of will, which is precisely what Solovyov attempts in *The Justification of the Good* by introducing the supreme value or God into ethics.

The presentation of Vladimir V. Sidorin (RAS Institute of Philosophy, Russia) was devoted to the significance of Kant's ideas for the moral philosophy of Vladimir Solovyov and Nikolai Kareev. The speaker argued that the two philosophers had respect for Kant's philosophy and tried to overcome utilitarian trends in ethics, but they formulated and resolved ethical problems in different ways in their teachings and had different audiences. For Kareev, morality exists only in the human consciousness. He cites the ideas of F. Brentano on the origin of moral consciousness, muting the latter's anti-Kantian pathos. The psychological development of the subject that underlines its moral self-improvement is seen by Kareev

Кареева. Однако ясных указаний на то, что Соловьев при этом имеет в виду конкретные этические сочинения Кареева, пока обнаружить не удалось. В дискуссии по докладу была артикулирована проблема упрощенного понимания кантовского категорического императива в русской философии, как это имеет место у Кареева, которой считал, что, согласно Канту, человек должен якобы всегда выступать только как цель, но никогда как средство наших поступков. По мнению А.Н. Круглова, такая интерпретация была характерна для позднего советского времени, а во времена Соловьева русских философов интересовали преимущественно проблемы адекватного перевода на русский кантовских слов и выражений. На вопрос Э. Свидерски, повлияли ли на Соловьева идеи Brentano и, в частности, его идея о том, что любовь должна играть особую роль в этике, В.В. Сидорин ответил, что до революции и в советский период Brentano был мало известен в России и потому, вероятно, не был известен и Соловьеву. Б.В. Межуев отметил, что об эросе Соловьев вспомнил только в «Жизненной драме Платона», то есть после завершения «Оправдания Добра».

Evert van der Zweijde (Неймегенский университет им. Св. Радбода, Нидерланды) в докладе «О неизменном докантианском ядре практической философии В.С. Соловьева» сосредоточился на политическом измерении философии русского мыслителя: соловьевские тексты всегда полемичны, а полемика — это форма политики в философии. Воспользовавшись понятием Дж. Ролза «идеальная теория», можно говорить, полагает Э. ван дер Звейрде, о сходстве кантовской идеи всемирного государства и предшествующей ему идеи федерации народов с соловьевскими идеалом свободной теократии и справедливым христианским государством. Но Соловьев в отличие от Канта допускает возможность познания реальности самой по себе. Далее, поздний Соловьев полагает, что знание не может быть объектом *всех* рациональных умов, а должно быть эксклюзивной привилегией некоторых или даже одного ума. Поэтому Соловьев фокусируется на источнике своей мудрости — Софии. Он стремится быть рыцарем Софии, христианским политиком. Однако возникает проблема: Божественная мудрость должна быть единой и всеобщей, но при ее исповедании она неизбежно превращается в частный опыт, а частное — это зло. Возможно, поэтому Соловьев оставляет свою

as the condition of universal happiness. Solovyov, unlike Kareev, declared as the subject of moral development not only the individual but society as a whole. Some chapters in *The Justification of the Good* contain a critique of the subjective-sociological approach to ethics, one of whose representative was Kareev, so that they can be seen as being critical of Kareev. However, no definitive proof has yet been found that Solovyov had in mind specific works of Kareev. The discussion of the above-mentioned presentation articulated the problem of a simplistic understanding of Kant's categorical imperative in Russian philosophy as is to be found in Kareev, who believed that according to Kant man should be only an end and never a means of our acts. According to A. Krouglov, such an interpretation was characteristic of the later Soviet period, whereas in the times of Solovyov Russian philosophers were interested primarily in the problems of an adequate translation into Russian of Kantian words and expressions. Asked by E. Swiderski whether Solovyov was influenced by Brentano's ideas, notably his idea that love must play a special role in ethics, V. Sidorin replied that before the revolution and during the Soviet period Brentano was little known in Russia and was probably unknown to Solovyov. B. Mezhuev noted that Solovyov turned to Eros only in *Plato's Life Drama*, i.e. after completing *The Justification of the Good*.

Evert van der Zweerde (Radboud University Nijmegen, Netherlands) in his presentation "The Permanent Kantian Core of Vladimir Solovyov's Practical Philosophy" concentrated on the political dimension of the Russian thinker's philosophy: Solovyov's texts are invariably polemical and polemics is a form of politics in philosophy. E. van der Zweerde believes that, taking advantage of John Rawls's concept of "ideal theory", one can say that the Kantian idea of the world state and the preceding idea of the federation of nations were similar to Solovyov's idea of free theocracy and a just Christian state. However, unlike Kant, Solovyov allows for the possibility of cognising reality in itself. Furthermore, the later Solovyov believes that knowledge cannot be the object of *all* rational minds, but only an exclusive privilege of

работу «La Sophie...» незавершенной. В ходе последовавшей дискуссии Э. Свидерски обратил внимание, что у Соловьева в «Оправдании Добра» играет роль конкретная эмпирическая история в ее развитии. Э. ван дер Звейрде согласился, что, с одной стороны, Соловьев — типичный мыслитель XIX в., потому что верит в прогресс и даже в гармоничное развитие человечества — и здесь чувствуется влияние контовского позитивизма. С другой — Соловьев смотрит на историю как на шахматы, подразумеваемая за историческим развитием некий план, что порождает своего рода исторический схематизм. В «Оправдании Добра» Соловьев несколько изменил свой взгляд на историю, обратив внимание на конкретные эмпирические изменения и события. Вообще в этой работе он поставил такие вопросы, которые оказались даже важнее предложенных им ответов. Б. В. Межуев заметил, что в своем понимании истории Соловьев не мог согласиться с принципом зла во спасение, точнее, он готов был допустить, что, например, эгоизм деятелей прежних времен мог привести к положительным последствиям, — и в этом у него действительно прослеживается некий эсхатологический план. Но Соловьев не приемлет этот принцип для современной эпохи, которая должна была, по его мнению, наступить после выхода «Оправдания Добра». Э. ван дер Звейрде предположил, что такая позиция Соловьева объясняет, почему он не либерал, если понимать под либералом человека, который считает эгоизм и индивидуализм неотъемлемым правом людей и причиной богатства общества. В этом смысле Кант — либерал и философ модерна, а поздний Соловьев — консерватор и философ антимодерна. Однако мыслить так, будто философии Канта не было, Соловьев уже не мог — и в этом один из интереснейших парадоксов его как мыслителя.

Эдвард Свидерски (Фрибурский университет, Швейцария) в своем докладе «Самоопределение и / или реакция на ценность? Кант, Соловьев, Шелер — и Гарри Франкфурт — о моральной психологии» рассмотрел сложное соотношение самодетерминированной автономной воли и чувства любви. Шелер и Соловьев настроены критически и оппозиционно по отношению к кантовской формальной этике, полагая, что должен существовать источник нормативности воли, лежащий за ее пределами. В отличие от Канта, Соловьев и Шелер признают наличие объективных ценностей, верят,

some or even one mind. Therefore Solovyov focuses on the source of his wisdom: Sophia. He seeks to be the knight of Sophia, a Christian politician. However, a problem arises: divine wisdom should be one and universal, but when preached it inevitably turns into particular experience and the particular is evil. This may be why Solovyov left his work “La Sophie” unfinished. During the discussion after the presentation Edward Swiderski drew attention to the fact that in Solovyov’s *The Justification of the Good* concrete empirical history in its development plays a role. Evert van der Zweerde agreed that on the one hand Solovyov was a typical nineteenth-century thinker because he believed in progress and even in the harmonious development of humankind, which is redolent of Comte’s positivism. On the other hand, Solovyov sees history as a game of chess, seeing a certain plan in historical development, which generates a kind of historical schematicism. In *The Justification of the Good* Solovyov tweaks his view of history, drawing attention to concrete empirical changes and events. In general, in his work he raised the questions that turned out to be even more important than the answers he proposed. B. Mezhuiev noted that in his approach to history Solovyov could not agree with evil for the sake of the redemption principle, or rather, he was prepared to admit that, for example, the egotism of historical figures of earlier times could have brought positive consequences — and this does indeed indicate a certain eschatological aspect. However, Solovyov rejects that principle for the modern epoch, which in his view must come after the publication of *The Justification of the Good*. Evert van der Zweerde suggested that Solovyov’s position explains why he is not a liberal if by liberal one understands a person who considers egotism and individualism to be an inalienable right of people and the source of society’s wealth. In that sense Kant is a liberal and modern philosopher and the later Solovyov is a conservative and an anti-modern philosopher. However, Solovyov could no longer think as if Kant’s philosophy did not exist, and this is one of the most intriguing paradoxes of Solovyov as a thinker.

что Бог и бессмертная душа действительно существуют, а не являются лишь постулатами практического разума, поэтому у них нравственный человек свободно выбирает гетерономию собственной воли. Современный философ Г. Франкфурт противостоит Соловьеву и Шелеру, соглашаясь с кантовской концепцией автономной воли. Ни отклик на ценность, как у Шелера, ни открытие истинной нравственной природы, как у Соловьева, не являются правильной характеристикой роли любви по отношению к воле. Мы конституируем нашу волю, если и только если мы заботимся о чем-то или о ком-то, отождествляем себя с нашей заботой, обязуясь действовать надлежащим образом, чтобы исключить других. Любовь вовсе не обязательно возникает как результат ценности кого-либо или чего-либо. Скорее, наоборот: нечто или некто для нас ценны, именно потому что мы их любим. Любовь имеет отношение к личной интеграции: я не могу любить, если не забочусь о себе как о своем заботящемся «Я». Однако, согласно Канту, долг любить — это абсурд, у Франкфурта же все, что нам нужно для фундаментальной идентификации себя, — это любовь. На вопрос *В.Н. Белова*, присутствует ли у Соловьева хотя бы в имплицитном виде эстетический аспект любви, *Э. Свидерски* ответил, что этот аспект у Соловьева не играет никакой роли, а для Франкфурта этот аспект имеет смысл. Например, мы, любя искусство, сами наделяем его ценностью и ориентируем свою волю на эту ценность. *В. Ойттинен* указал на Спинозистскую концепцию интеллектуальной любви к Богу как возможный источник для морального учения Соловьева и его понимания любви. *Б.В. Межуев* уточнил, что в «Оправдании Добра» у позднего Соловьева речь идет только о половой любви. *Пярттыли Ринне* обратил внимание на то, что для Канта любовь — это проявление не только чувства, но и воления. В «Метафизике нравов» Кант пишет о «практической любви», что напоминает позицию Франкфурта, хотя обоснование последним своих тезисов существенно отличается от кантовского.

Работа конференции завершилась выступлением *Томаса Немета* (Нью-Йорк, США) на тему: «Эстетика у Соловьева и Канта: Должна ли красота соответствовать моральному благу?» По мнению докладчика, трактовки красоты у Канта и Соловьева разительно отличаются. Согласно Канту,

Edward Swiderski (Fribourg University, Switzerland) in his presentation “Self-Determination and/or Reaction to Value? Kant, Solovyov, Scheler — and Harry Frankfurt on Moral Psychology” looks at the complicated relationship between self-determination of the autonomous will and the feeling of love. Scheler and Solovyov are critical of Kant’s formal ethics, believing that there must exist a source of normative will outside its limits. Unlike Kant, Solovyov and Scheler recognise the existence of objective values, believe that God and the immortal soul do exist and are not merely postulates of practical reason, therefore for them the moral man freely chooses the heteronomy of his own will. Modern philosopher Harry Frankfurt takes issue with Solovyov and Scheler agreeing with the Kantian concept of autonomous will. Neither a response to value, as with Scheler, nor the discovery of the true moral nature, as with Solovyov, are correct characteristics of the role of love with regard to will. We state our will if and only if we care for something or somebody, identifying ourselves with our care, pledging to act in a proper way in order to exclude others. Love by no means always arises as a result of the value of somebody or something. The reverse is probably true: something or somebody are valuable for us because we love them. Love relates to personal integrity: I cannot love if I do not care about myself as about my caring self. However, according to Kant, the duty to love is an absurdity. But according to Frankfurt, all we need for fundamental self-identification is love. Asked by *V. Belov* whether Solovyov at least implies the aesthetic aspect of love, *Edward Swiderski* replied that this aspect plays no part in Solovyov while it has meaning for Frankfurt. For example, in loving art we invest with value and orient our will towards this value. *V. Oittinen* brought up Spinoza’s concept of intellectual love of God as a possible source of Solovyov’s moral teaching and his understanding of love. *B. Mezhuiev* added that in *The Justification of the Good* later Solovyov speaks only about sexual love. *Pärttyli Rinne* drew attention to the fact that for Kant love manifests not only feeling but also volition. In *Metaphysics of Morals* Kant writes about “practical love” which is reminiscent of Frankfurt’s position, although the latter’s explication of his thesis differs substantially from that of Kant.

мы можем говорить об эстетических свойствах предметов, используя исключительно субъективный критерий: предмет рассматривается нами как эстетический только тогда, когда он обеспечивает удовольствие нам как наблюдателям уже только одним своим существованием. Соловьев не говорит о ключевой роли наблюдателя в эстетике, для него красота объективна и является неотъемлемым качеством предмета самого по себе. Однако он не приводит никакого определенного критерия, руководствуясь которым мы можем установить, что такое красота. В «Критике отвлеченных начал» Соловьев утверждает, что реализация всеединства во внешнем материальном мире будет абсолютной красотой. Но поскольку эта красота не присутствует в нашей реальности, ее осуществление представляет собой эстетическую задачу человечества. А в статье «Красота в природе» Соловьев определяет красоту как результат трансформации вещи путем воплощения в ней «сверхматериального принципа». В ходе дискуссии по докладу Б.В. Межуев предположил, что если бы Соловьев начал писать «Оправдание Красоты», то, скорее всего, он бы его не закончил: в поздний период творчества объективизм красоты стал для него неприемлемым.

Все доклады и выступления в дискуссиях, состоявшиеся в рамках конференции, продемонстрировали неослабевающий интерес международного философского сообщества к философскому наследию Иммануила Канта и Владимира Соловьева и наличие большого количества открытых исследовательских вопросов, подлежащих дальнейшему скрупулезному изучению. По итогам конференции планируется издание сборника статей.

Конференция и данная публикация были поддержаны из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

Введенский А.И. О мистицизме и критицизме в теории познания В.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 56, № 1. С. 2–35.

Корнилаев Л.Ю. Кант и проблема революции. Обзор международной конференции (Калининград, 9–10 ноября 2017 г.) // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 1. С. 74–87. doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-5.

The Conference ended with the presentation by *Thomas Nemeth* (New York, USA) on “Aesthetics in Solovyov and Kant: Must Beauty Parallel the Moral Good?” He drew attention to the striking difference in the way Kant and Solovyov interpret beauty. According to Kant, we can speak about the aesthetic features of objects using an exclusively subjective criterion: we consider an object as an aesthetic one only when it gives us pleasure as observers by just being in existence. Solovyov does not speak of the key role of the observer in aesthetics. For him beauty is objective and is an inalienable quality of the object in itself. However, he does not provide any coherent criterion by which we can establish what beauty is. In his *Critique of Abstract Principles* Solovyov claims that the implementation of unitotality in the external material world would amount to absolute beauty. But because this beauty is not present in our reality, implementing it is the aesthetic task of humanity. In his article “Beauty in Nature” Solovyov defines beauty as the result of the transformation of a thing through making it an embodiment of “supramaterial principle.” In the discussion that followed B. Mezhuiev suggested that if Solovyov had started writing “Justification of Beauty” he would probably never have completed it because in his later period he no longer accepted the notion that beauty was objective.

All the presentations and the discussions held as part of the Conference demonstrated an unflinching interest of the international philosophical community in the philosophical legacy of Immanuel Kant and Vladimir Solovyov and the existence of a large number of open questions that call for further scrupulous study. A collection of articles on the results of the Conference is planned.

This International conference and this publication were supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Vvedensky, A. I., 1901. On Mysticism and Criticism in Solovyov's Theory of Cognition. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], 56(1), pp. 2-35. (In Russ.)

Kornilaev, L. Yu., 2018. Kant and the Problem of Revolution: A Report of the International Conference (Kaliningrad, November 9-10, 2017). *Kantian Journal*, 37(1), pp. 74-87. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-1-5>.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Сергей Валентинович Луговой, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

Для цитирования:

Луговой С.В. Кант и Соловьев: конвергенции и дивергенции. Обзор международной конференции (Калининград, 15–16 ноября 2018 г.) // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 4. С. 83–95. doi:10.5922/0207-6918-2018-4-4

The author

Dr Sergey V. Lugovoy, Associate Professor, Senior Research Fellow, *Academia Kantiana*, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

To cite this article:

Lugovoy, S. V., 2018. Kant and Solovyov: Convergences and Divergences. Report of the International Conference (Kaliningrad, 15-16 November 2018). *Kantian Journal*, 37(4), pp. 83-95. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-4-4>